

Ляна Вечер

МЁД

УДК 82-312.9
ББК 84-445
В39

Вечер Л.
В39 Мёд / Ляна Вечер – М.: Литнет, 2025. – 274 с.

ISBN 978-5-521-93394-5

Я задираю ему футболку и вздрагиваю:
— У тебя швы разошлись. В больницу надо.
— Нельзя в больницу, девочка, — мужчина дышит часто. — В меня стреляли и, вполне возможно, ищут.
— Ты что-то натворил, да? — мне становится ещё страшнее.
— Я не знаю. Я ничего о себе не помню.
— Оу... Даже как тебя зовут не знаешь?
— Ничего. Совсем, — проводит языком по бледным губам и закрывает глаза.
Я глупая, каких поискать — пустила домой незнакомого мужика с дыркой от пули в боку. Не могла бросить его умирать... Но это навсегда изменило мою жизнь.
Он не человек — зверь. И о его прошлом лучше не знать.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93394-5

© Литнет, 2025
© Л. Вечер, 2025

Пролог

– Костя. Ну, Кость! – Сижу на переднем пассажирском, нервно тереблю край юбки. – Что не так опять?

– Да ни хрена! – Костик за рулём, взрывается. – Какого чёрта ты сюда мотаешься в выходные?! – он кивает на высокий забор, за которым находится конеферма.

Я вздыхаю. Снова этот бессмысленный разговор. Каждый раз, когда я прошу его подвезти меня на конеферму, мы ругаемся. Надоело.

– Я тут работаю, – отвечаю тихо.

– Дин, ты дура или притворяешься?! За работу деньги платят.

– А я волонтер! – не выдерживаю, повышаю голос. – И мне это нравится! Всё, давай пока, – вылетаю из машины и быстрым шагом иду к проходной.

Не успеваю поздороваться с бабой Машей – нашей администраторшей, у меня звонит телефон. Киваю Марии Петровне и роюсь в рюкзаке – ищу в ворохе вещей смартфон.

Костик. Конечно, кто ещё? Скандала хочет.

– Ну?! – отвечаю на звонок.

– Чо – ну?! У тебя мать уехала на месяц, хата свободна, а ты на конеферму валишь!

А-а-а, вот в чём дело! Как я сразу не догадалась?

– И что тебе от меня надо? – спрашиваю, хотя прекрасно знаю что.

– Трахаться мне надо! – вопит Костик. – Вернулась в машину быстро!

Ничего себе заявочка на победу! У меня дар речи пропадает от такой борзости.

– Никуда я возвращаться не собираюсь, – рычу в трубку. – Мы с тобой расстанемся!

– Ди...

Я нервно жму кнопку отбоя, выдыхаю. Я человек тихий, неконфликтный. Но Костик заколебал, честное слово! У него на уме только одно...

Да, моя мама сегодня уехала в санаторий на целый месяц, и что теперь? Видимо, я должна забить на все свои дела, улечься на кровать, раздвинуть ноги и сутки минимум их не сводить. Может быть, потом Костя разрешит мне сбежать в душ и снова на сутки в койку. Вот это жизнь!

– С Костей поругалась? – спрашивает баб Маша, протягивая мне ключ от раздевалки.

– Как всегда, – вздыхаю. – Но на этот раз всё.

– Дай-то бог... – тихо бурчит администраторша.

Она думает, я не слышала, но я слышала и полностью разделяю её мнение. Потому что достал Костик!

Захожу на территорию конефермы и топаю в домик для персонала. Переоденусь, помогу накормить лошадей, а там посмотрим.

Работы в «Кони-пони» всегда много, а сейчас особенно. После жёсткого карантина, когда в городе не то что базы отдыха, а даже некоторые магазины не работали, ферма финансово приуныла. Здесь у нас не только лошади – разная живность, и всю надо кормить. А где деньги брать, если посетителей нет? Мы за лето почти ничего не заработали, кое-как на спонсорской помощи выехали.

– Дина! Дина!

Оборачиваюсь – баба Маша бежит ко мне, руками размахивает. Ну как бежит... с божьей помощью и артритом наперевес. Что-то случилось.

– Баб Маш, вы чего? – я так и стою, за ключ держусь.

– Марина тебя к себе вызывает, срочно! – выдыхает администраторша.

Понятно. Уже бегу.

Марина – мировая женщина и моя родная тётя. Она хозяйка это-

го чудесного места. Если с утра вызывает, да ещё и не по телефону, а через Марию Петровну, значит, что-то серьёзное.

Врываюсь в деревянное здание – местный «ЦУП» – и мчу в кабинет тёти. Стучу в дверь, но слышу, что она говорит с кем-то по телефону. Ладно, не до манер. Захожу.

– Миша, ты сошёл с ума! Куда нам сейчас медведь с огнестрелом?! – тётя Марина жестом показывает мне – садись.

Я присаживаюсь в мягкое кресло и растеряно хлопаю ресницами. Судя по всему, на связи Михал Иванович. Он депутат, филантроп, меценат и генеральный спонсор «Кони-пони». А ещё он давно и безнадёжно влюблён в мою тётю.

– Что случилось? – спрашиваю её без голоса.

Марина машет руками – «Тихо!» – и продолжает говорить по телефону:

– ...Миша, что я с этим несчастным медведем делать буду? Не надо его к нам... А, ты уже везёшь... – вздыхает обречённо. – Да, я поняла. Да-да...

Она завершает звонок и плюхается в своё начальническое кресло. Оно скрипит так, что у меня зубы сводит. Мотаю головой и поднимаю глаза на тётю – она бледная, как поганка.

– Что случилось? – повторяю вопрос.

– Звонит мне Михал Иванович, говорит – медведя возьмёшь? Я говорю – возьму. Он говорит – хорошо, и трубочку кладёт, – тётя Марина округляет глаза. – Я, дурында, думала, он мне на передержку циркового мишку привезёт, как в прошлый раз... – выдыхает, вдыхает.

– Нет? – гну бровь.

– Нет! Я мясо звоню заказываю, и тут Миша по второй линии перезванивает. Говорит – Мариш, ты меня, наверное, не поняла. И я такая – а-а? А он – везу тебе медведя подстреленного.

– Ой... – нервно сглатываю. – Охотники?

– Не знаю, Дин. Ничего пока не знаю. Готовьте клетку, я ветеринару звонить буду.

Глава 1

Я очень стараюсь быстрее подготовить клетку, но не успеваю. Медведя привозят, когда я тащу ведро с водой. И как бы зря тащу – пить он точно не сможет: зверь едва живой, не шевелится даже. Крови – море!

Мишку выгружают из пикапа шестеро мужиков, которых нанял Михал Иванович. Он тоже не курит – помогает тащить раненого и матерится, а мы с Мариной стоим рядом, держимся друг за друга. Тётя моя боится крови, а я не боюсь.

Но картинка – жуть!

Солома, которой я застелила пол в клетке, мгновенно становится алой. Бедный зверь. Есть подозрение, что его не просто подстрелили – издевались с особой жестокостью.

– Ветеринар уже едет, – Марина закрывает дверь клетки, её трясёт. – Миш, отойдём. Не могу смотреть.

Михал Иванович держит мою тётю под локоть – ведёт её присесть на лавочку. Он в камуфляжном костюме, с фляжкой на ремне. Видимо, прямиком с охоты, с «добычей». И пока неясно, повезло той добыче или не очень.

Я разглядываю огромную окровавленную гору шерсти – дышит, но дыхание слабое. Глаза полузакрыты, язык из зубастой пасти выпал. У меня сердце сжимается. В такие моменты мне стыдно, что я человек...

– Дина, иди сюда! – зовёт Михаил.

– Ага, иду... – шепчу – в горле пересохло – и на ватных ногах иду к лавке.

Тётя Марина глотает что-то алкогольное – судя по запаху, из фляжки депутата – и морщится. Не каждый день в «Кони-пони» привозят медведя, да ещё в таком плачевном состоянии. На нерве все.

– Пойду с мужиками расплачусь, посиди с Маришей, – просит меня Михаил Иванович и идёт к бригаде, грузившей мишку.

– Что с медведем случилось? – я присаживаюсь рядом с тётей.

– В Боровках побывал, – она снова глотает из фляжки. – Там у них охотбаза частная. Ну вот... – кивает на клетку. – Привезли туда медведя, выпустили и устроили сафари для богатых клиентов. Они с перепоя его подстрелили, но не добились. Михаил Иванович сегодня к ним приехал кабанов погонять, а они ему предложили медведя... того, – и проводит ребром ладони по своему горлу. – Как развлечение. За деньги. Представь?!

Угу, представляю. Я бросаю короткий взгляд на депутата. Интересно, Михаил уродов уже добил или не стал руки марать – людей своих туда отправит? В любом случае, всем причастным конец.

– Дак я подхожу к зверю, а там месиво! – депутат вернулся, прячет портмоне в нагрудный карман. – И это месиво глядит на меня, а я на него. Как человеку в глаза смотрел.

– Миша! – тётя Марина хмурится. – Перебор сегодня с матом.

– Прости, Мариш, – депутат стыдливо сводит брови.

Михаил Иванович – в прошлом резидент мест не столь отдалённых, обладатель наколок, золотого зуба и блатного говорка – не выражается при Мариночке. Но иногда на эмоциях случается.

Пока мы обсуждаем живодёров из Боровков, приезжает ветеринар, и всем становится не до разговоров. У медведя пять пулевых. Пять! Причём в стратегически важных для жизнедеятельности местах.

Начинается кипиш. Доктор просит тряпки и чистую воду – бежим я и Марина. Потому что дело к одиннадцати часам, и в «Кони-пони» подтягиваются первые посетители. Баба Маша занята на входе берёт деньги за посещение, конюхи на местах – и всё, персонал фермы на этом заканчивается. Карантин нас сильно подкосил.

У «Кони-пони» неплохой бизнес-потенциал, но надо вложить. Сейчас это место выглядит как парк и почти контактный зоо-

парк – хоть весь день гуляй, глазей на животных, морковкой их корми, ранетками. Всё это за двести пятьдесят рублей. Тётя хочет домики поставить и беседки с мангалами. И ещё кучу всего придумала, но денег пока впритык – на корм и зарплату.

Ладно, это всё лирика, а тут практика, и не самая весёлая. У меня реально попа в мыле, я даже переодеться не успеваю – ношусь в платье.

Тряпки и вода на месте, медведь под наркозом – доктор выковыривает из бедняги пули. А у нас иппотерапия начинается через пятнадцать минут. Сегодня придут трое особенных деток с родителями, и после занятия надо обеспечить им чай с плюшками. Плюшек нет, их надо было заказать с утра.

– Алло, да... – прижимаю телефон щекой к плечу, бегу в домик для персонала. – Булочки французские. Двенадцать штук, пожалуйста.

Заканчиваю разговор с пекарней и вижу на экране смс.

11:21 Костя: Не обижайся на меня, котёнок!

Ой, иди ты в жопу!

Я сую телефон в карман платья, хватаю ещё ветошь и несусь к клетке с медведем.

А там ЧП: любопытная мадам из посетителей решила посмотреть, что тут такое интересненькое происходит. Посмотрела – теперь лежит в обмороке.

Михал Иванович шлёпает слабоумную по щекам. Помогаю депутату оживить мадаму нашатырем. Спонсор нашатыря – ветеринар. Она не отвлекается от операции – нельзя.

Женщина в себе, но её конкретно шатает. Я увожу её подальше, усаживаю на лавочку и вызываю скорую помощь. Оказывается, у дамочки проблемы с сердцем в анамнезе.

Капец, а не день! Мой телефон снова пиликает – смска.

12:05 Костя: Котёнок, какие на тебе сегодня трусики?

Хлопаю глазами и не верю, что у Костика хватает наглости...

Хватает. Ещё как! В следующем смс он просит меня найти укромное местечко и позвонить ему по видеосвязи. Типа я должна уединиться и поласкать себя на камеру, а он подрочит.

Слов нет! Приличных точно не нахожу.

Вырубаю телефон, сую его в карман – вечером включу, как раз мама должна позвонить, уже из санатория.

Скорая и булочки приезжают одновременно. Я иду по территории фермы, а за мной тянется шлейф сдобного аромата и бригада медиков.

Чую, к вечеру у меня будет дёргаться глаз.

Сижу на куске туристического коврика рядом с клеткой и смотрю на мишку – отходи от наркоза, но медленно. Он похож на лоскутное одеяло – шерсть в местах, где оперировала доктор, аккуратно выбрита. Заштопали его, конечно... Жуть! Но дышит увереннее.

Поить медведя нельзя до завтра, а очень хочется. Губы и нос у него пересохли. Бедненький. Я вытираю собравшиеся на глазах слёзы – ничего не могу с собой поделать. Смотрю на несчастного зверя и рыдаю. Тихо, чтобы его не напугать.

Ой, кажется, глаза открыл!

Подползаю на четвереньках ближе к клетке. Точно – открыл. А моргать сможет? Мой кот после наркоза не мог моргать, и врач говорила, чтобы я делала это за него – пальцами. Вроде, если не помочь, то глаза пересохнут.

Хм, а руки в клетку совать нельзя. И как быть?

Наблюдаю – медведь не моргает. Минуту, две, три... Чёрт, придётся, наверное, нарушить технику безопасности. В конце концов, если он глаза открыть-закрыть не может, значит и мне ничего не сделает.

На свой страх и риск я осторожно просовываю руки между прутьями и с молитвой «моргаю» за мишку. Он не шевелится, но изда-

ёт стон облегчения. И – клянусь! – это почти человеческий вздох! У меня от этого звука мурашки по спине прыгают.

Выдыхаю – меня трясёт так, что зубы клацают. Адреналин – ого-го!

Зубы у медведя большие, острые, и когти с мой палец размером. Он занял собой практически всю клетку, бок шерстяной сквозь прутья выпирает – маловат ему домик.

– Хорошо тебе, увалень? – говорю, чтобы успокоиться, а голос дрожит. – Уже должно быть хорошо, – подбадриваю не то себя, не то зверя.

Пятки кожаные – милые, и не пахнет он совсем. Странно. Обычно от медведей так прёт, что хоть противогаз надевай.

– У-у-у... – жалобно стонет мишка.

Не знаю, откуда знаю, но уверена – он просит меня «поморгать». Я снова сую руку в клетку. Медведь пытается достать языком моё предплечье. Конечно, у него ничего не выходит. Наркоз ещё действует.

– Здесь тебя никто не обидит, – под моими пальцами приятно ходит мягкая шерсть. – Кормить будем вкусно, в просторный вольер переселим. С берлогой, между прочим. Зимовать тебе у нас по-любому.

Если выживешь, конечно.

У меня снова слёзы на глазах. Ветеринар сказала, что шансы у медведя не очень. Он потерял много крови, а переливание у нас на ферме сделать не выйдет. Михал Иваныч рвался оплатить это дело – любые деньги, но, увы, технически невозможно. Везти его в город?.. Скорее всего, мишка не переживёт ещё одну транспортировку.

Глажу, глажу, глажу зверя и... мы встречаемся взглядами. Я сейчас очень понимаю Михал Иваныча. Ощущение, что не дикому животному в глаза смотрю – человеку. Они у косолапого тёплого медового цвета. И во взгляде такое понимание, что до костей пробирает!